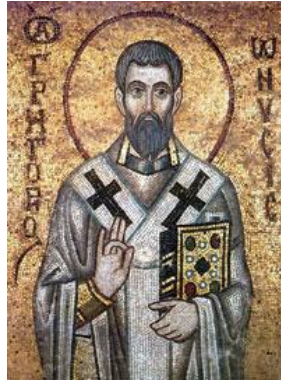

Святитель Григорий Нисский

На псалом шестой

По пророческому благословию восходящие «от силы в силу» и прекрасные «восхождения в сердце своем» полагающие (Пс.83,6.8), когда возьмутся за какую-нибудь добрую мысль, руководствуются ею к высшей еще мысли, при помощи которой и совершается душою восхождение на высоту. И кто таким образом простирается непрестанно «в предняя» (Фил.3, 13), тот никогда не прекратит доброго восхождения, всегда возвышенными мыслями путеводимый к уразумению того, что еще выше. Сказал я это, братья, вникая в смысл шестого псалма и обращая внимание на необходимую последовательность порядка, почему к слову о «наследствующем» (Пс.5, 1) присовокуплено для нас слово о «осмом» (Пс.6,1)?

Конечно же, не неизвестна вам тайна «осмого». Ибо неразумно то, что мысль иных увлекается иудейскими предположениями. А иудеи, великую тайну об«осмом» низводя до неблагообразных телесных членов, утверждают, будто бы сим числом: «осмый», указывается на закон об обрезании, об очищении после родов и о подобном сему. Но мы, научившись у великого Павла, что «закон духовен есть» (Рим. 7, 14), хотя число сие имеет значение в упомянутых законах при узаконении мужескому полу обрезания, а женскому — жертвы при очищении, как не отвергаем закона, так не принимаем его в унижительном смысле, зная, что истинное обрезание действительно бывает в осмый день, и совершается каменным ножом. А под сим камнем, обрезающим нечистоту, без сомнения, уразумеешь тот Камень, который есть Христос (1Кор. 10, 4), то есть, Слово истины, и поймешь, что оскверняющее течение житейских дел тогда прекращается, когда человеческая жизнь претворена в Божественное. Но чтобы уразумемое под сим для всех стало явным, сколько можно яснее изложим то, о чем у нас речь.

Время настоящей жизни при первом создании твари измерено было одною седмицею дней; потому что с первого дня начато создание существ, и днем седьмым положен конец творению. «Бысть день един» (Быт. 1, 5), сказано о дне, в который приведены в бытие первые твари; а также во второй сотворены вторые, и последовательно до дня шестого, когда сотворено все. День же седьмой, соделавшись концом творения, заключил собою время, спротяженное устройству мира. Посему, как не после этого времени приведено в бытие небо, и всякая другая часть мира не в последствии присоединена к приведенным уже в бытие в начале, а напротив того, тварь сама по себе пребывает не требующею дополнения и не умаляемою в мерах своих: так не происходило иного времени, кроме показанного устройством мира; напротив же того, естество времени определено седмицею дней. И посему-то, когда измеряем время днями, начав одним и заключив число седьмым, снова отступаем к единому, целое продолжение времени измеряя непрестанно кругом седмиц, пока, по миновании движимого и по прекращении скоротечного движения, как говорит Апостол (Евр.12, 27), не придет то, что уже непоколебимо, и к чему не касается боле превратность и изменение.

Поскольку в одном и том же состоянии и в последующие веки всегда одинаково пребывает та тварь, над которою совлечением телесной жизни совершается истинное обрезание естества человеческого и истинное очищение от действительной скверны; скверна же для человека — грех, умерщвляемый вместе с естеством человеческим (потому что «во гресех роди мя мати моя» (Пс.50, 7)), которое Сотворивый «очищение грехов наших» (Евр.1, 3) очищает тогда совершенно, истребляя в

естестве существ все, что есть в них кровавого, нечистого и необрезанного; то в этом смысле приемлем закон об «осмом» дне, — закон об обрезании и очищении; потому что, по прекращении седмичного времени, по седьмом дне наступит день «осмый, осмым» называемый потому, что за седьмым следует, но не допускающий по себе преинства в числе; потому что постоянно пребывает единым, не разделяемый на части ночным мраком. Ибо производит его иное солнце, которое сияет истинным светом, и как скоро однажды явилось нам, как говорит Апостол, не скрывается уже на запад, но, все объяв светоносною своею силою, в достойных производит непрерывный и непреемственный свет, самых причастников сего света соделывая новыми солнцами, как в Евангелии говорит Слово: «тогда праведницы просветятся яко солнце» (Матф. 13, 43).

Итак, поскольку в предыдущем псалме шла речь о «наследствующем», а наследство сберегается для достойных ко дню осмому, в сей же день совершится и правдивый суд Божий, уделяющий каждому по достоинству; то Пророк с воспоминанием о «осмом» прекрасно соединил и слово о покаянии. Ибо кто, приведя себе на память страшный суд Христов, не смутится тотчас же в собственной своей совести, не будет объять страхом и неведением? Если и сознает в себе исправление жизни; то, взирая на строгость суда, на котором и малейшие недосмотры подвергаются исследованию, конечно, придет в ужас от ожидания страшных наказаний, не зная, чем для него заключится конец суда. Посему то, как бы имя у себя перед очами страшные мучения, эту геенну, этот темный огонь, этого неумирающего червя совести, всегда грызущего душу стыдом, и возобновляющего страдания напоминанием о сделанном в жизни худо, он обращается уже с молением к Богу, прося, «да не» оною «яростию» предаст его обличение, ниже оным гневом наложит на него наказание за все, в чем прегрешил (Пс.6, 2). Ибо для осужденных на жестокое наказание страшным оным мучением приговор суда представляется делом ярости и гнева. И потом Пророк, как бы уже страдая в муках, усвоет себе речения мучимых, для которых яростью и гневом кажется то, что на нечестивых налагается в наказание им. Посему говорит: не дожидаясь того, чтобы ярость эта страшными бичами произвела обличение тайных моих дел; а, напротив того, необходимое следствие оною гнева предупреждаю исповеданием.

Что в бичуемых производит боль, тайны беззакония против воли их делая явными, то произволение совершает само собою, бичуя и муча себя покаянием, и обнаруживая сокрытый в тайне грех. Посему, сказав: «да не яростию Твоею обличиши мене, ниже гневом Твоим накажеш мене», в след за сим Пророк прибегает к милосердию, причину в себе худого приписывая, не столько произволению, сколько немощи естества. В худом я положении; уврачуй меня по милосердию; потому что по немощи впал я в страсть. Какая же это немощь? Из мест своих вышли «кости» мои, разорвалась взаимная между ними связь. Костями же называет целомудренные помыслы, поддерживающие собою душу. «Исцели мя, Господи, яко смятошася кости моя» (3). И объясняет загадочную речь, присовокупив к сказанному: «душа моя смятется зело» (4). Посему, что медлишь исцелением? говорит Пророк. «И Ты, Господи, доколе» не окажешь «милости?» Не видишь ли, как близка к смерти жизнь человеческая? Решительную минуту жизни нашей предупреди обращением души моей, чтобы застигшая смерть не сделала бездейственным всякого средства к уврачеванию. Ибо в смерти никому не будет уже возможности болезнь, причиненную ему грехом, уврачевать памятованием о Бог; потому что исповедь имеет силу на земле; а во аде сего нет.

Потом, как бы на чей либо вопрос: почему к уврачеванию прегрешений призываешь милосердие? чем умилился ты Божество? — Пророк отвечает так: «утрудишься воздыханием моим», омою от греха» постелю мою» слезною водою (7). Почему же это? Потому что, говорит Пророк, «смятется от ярости око мое» (8), и поэтому стал я каким то ветхим и иссохшим, потому что раздражение, произведенное во мне врагами, зародило в душе гнилость. Если же одна раздражительность производит такой страх в погрешившем от оной, то кольми паче естественно будет отчаяться в спасительной надежде тем, которые сознали в жизни своей не только страсти, происходящие от раздражительности, но и все порождаемые похотью, любостыжательностию, кичливостью, честолюбием, завистью и прочим роєм худых человеческих наклонностей. Почему, обратив речь к врагам всякого рода, Пророк говорит: «отступите от мене вси делающие беззаконие» (9).

Но в продолжении сего слова Пророк показывает добрую надежду, что при покаянии и мы преуспеем в добре. Ибо немедленно и в одно время обращает речь к Богу о покаянии и, пришедши в соощение Божия о нем благоволения, возвещает милость и радуется дару, говоря: «услыша Господь глас моления моего. Господь молитву мою прият» (9. 10). Посему, чтобы навсегда осталось при нем благо, приобретенное покаянием, и чтобы жизнь не возымела снова потребности во вторичном покаянии, молит отворотить врагов его, наказуя их стыдом. Ибо постыженный во время худого предприятия, употребив для себя стыд наставником, удерживающим от таких дел, в последующее время воздержится от подобных искушений.

Вот последование доброго восхождения! Псалом четвертый от блага телесного и плотского отличил невещественное, пятый такового блага испрашивал в наследие; а шестой, упомянув о «осмом», указал время наследия. «Осмый» — дал видеть страх суда. Суд подобным нам грешникам подал совет страшное решение суда предварить покаянием. Потом покаяние, разумно принесенное Богу, благовествовало нам о выгоде, какая им доставляется, сказуя: «услыша Господь глас» обращающегося к Нему со слезами. А чтобы и после сего, в последующее время, непреложным оставалось у нас благо, Пророк молит, стыдом произвести в нас уничтожение враждебных мыслей. Ибо иную враждебную и незаконную мысль и невозможно угасить иначе, как приводя ее в уничтожение стыдом; потому что стыд от сделанного в жизни худо делается глубоко утвердившеюся пропастью и отделяет собою человека от греха. Посему скажу: «да постыдятся и посрамятся зело вси врази мои» (11), «врази же человеку», очевидно, «домашний его» (Матф. 10, 36), которые «от сердца исходят и сквернят человека» (15, 18), и за которыми, если вскоре отвратятся со стыдом, последует для нас упование славы, не стыдом оканчивающееся, по благодати Господа. Ему слава во веки. Аминь